

УДК 338.244.2
ББК 65.03(2)633
DOI [10.17150/2308-2588.2015.16\(3\).424-439](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(3).424-439)

Ю. В. Латов

*Академия управления МВД России,
г. Москва, Российская Федерация*

«КОСЫГИНСКИЕ» РЕФОРМЫ — УПУЩЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ «ДЭНХСЯОПИНИЗАЦИИ» СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА?

Аннотация. «Косыгинские» реформы стали финальным этапом длинной бифуркационной ситуации 1953–1968 гг., в течение которой шел поиск модели «социализма с человеческим лицом» и с элементами рыночной экономики, который, однако, не увенчался успехом. Автор статьи в процессе обзора основных событий, связанных с реформами 1965 г., формулирует ряд проблем, проработка которых необходима для глубокого понимания сущности этих реформ: можно ли их считать в полном смысле слова «косыгинскими», или же они оказались «посмертным» плодом правления Н. С. Хрущева? дали ли «косыгинские» реформы существенный положительный эффект? могли ли они стать удачными, если не опирались на широкую социальную базу? Поиск ответов на эти вопросы способен многое прояснить в социально-экономической истории СССР и даже в современном развитии России.

Ключевые слова. Институциональная ловушка, командная экономика, «реальный социализм», экономическая история СССР, экономические реформы.

Yu. V. Latov

*Academy of Management of the Ministry
of the Interior of Russia,
Moscow, Russian Federation*

KOSYGIN'S REFORM — A MISSED OPPORTUNITY OF THE SOVIET SOCIETY «DENGXIAOPINGISATION»?

Abstract. Kosygin's reform became the final stage of a long bifurcation situation of 1953–1968 period, during

of which there was an ongoing search of pattern of «socialism with a human face» and with the elements of the market economy, which, however, failed to succeed. The author, reviewing the key events associated with the reforms of 1965, formulated a number of questions, answering of which is necessary for a deep understanding of the essence of those reforms: whether they can be fully considered Kosygin's or were they the results of Khrushchev's governance? Did Kosygin's reform bring significant positive effects? Could they be successful, if they did not lean on a broad social base? Clarifying of these issues may shed light on social and economic history of the Soviet Union and even on the modern development of Russia.

Keywords. Command economy, institutional trap, «real socialism», economic history of the USSR, economic reforms.

Бифуркационная ситуация 1953–1968 гг.

Советскую экономику, при всех ее неустранимых «провалах», вряд ли следует считать «ошибкой истории». Видимо, такой тип экономики правомерен как один из путей догоняющего развития и/или развития в особо неблагоприятных условиях. С помощью такого типа экономики можно решать задачи первичной индустриализации и побеждать в тяжелых войнах. Однако с ее помощью нельзя успешно решать задачи научно-технической революции и побеждать в мирной международной конкуренции. Поэтому демонтаж «правил игры» командной экономики и восстановление «правил» рыночного хозяйства стали объективно необходимы с приходом НТР. На протяжении примерно 20 последних лет советская экономика уже не столько жила, сколько выживала.

Вероятно, «рыночный поворот» можно было с существенно меньшими издержками осуществить не в начале 1990-х гг., а существенно раньше, еще в 1950–1960-е гг., в гораздо менее кризисной ситуации. Послевоенная история «социалистического лагеря» де-

монстрирует множество примеров целенаправленных попыток синтезировать централизованную планомерность, основанную на огосударствлении производства, и рыночные механизмы, опирающиеся на децентрализованное (частное) принятие решений.

Первым относительно жизнеспособным примером мог послужить опыт СФРЮ (Югославии), где при Иосипе Броз Тито в 1950-х гг. сформировалась национальная модель «реального социализма», которая строилась на сочетании рабочего самоуправления с товарным рынком и демонстрировала (особенно на первых порах) неплохие результаты. Несколько позже «косыгинских» преобразований (возможно, под их влиянием), в 1968 г., в социалистической Венгрии также начались про-рыночные реформы, связанные с сокращением централизованного планирования и с ростом самостоятельности государственных предприятий в реализации их продукции. В КНР руководство китайской компартии начало демонтаж командной экономики и переход к смешанной экономике с конца 1970-х гг., почти сразу после смерти Мао Дзедуна.

У Советского Союза тоже было «окно возможностей» – возможность после отстранения в 1953–1957 гг. от власти прямых последователей И. В. Сталина (как и в Китае – после устранения в 1976 г. «банды четырех») начать качественное изменение «правил игры». С некоторой долей условности весь 15-летний период истории СССР 1953–1968 гг. можно считать непрерывной бифуркационной ситуацией, когда относительно второстепенные субъективные обстоятельства могли привести к «коренной перемене всей нашей точки зрения на социализм». Могли, но не привели.

Начало бифуркационной ситуации положил Н. С. Хрущев, который встал у власти вскоре после смерти И. В. Сталина и инициировал десталинизацию в выступлениях на XX съезде (1956 г.) и на XXII съез-

де КПСС (1962 г.). Главная институциональная инновация после смерти И. В. Сталина заключалась в частичном демонтаже «подсистемы страха», как назвал ее Г. Х. Попов [6]. Массовые репрессии против любых инакомыслящих были заменены «точечными» акциями против явных диссидентов, экономика ГУЛАГа резко сократилась вследствие массовой реабилитации заключенных. Применение откровенно принудительных мер ушло в прошлое. Период 1957–1968 гг. стал апогеем советского строя: «культ личности» уже ушел, «застой» еще не пришел, мечты о «светлом будущем» не успели стать агитационным шаблоном. В это время призрак «социализма с человеческим лицом» («демократического социализма») стал более осязаемым, чем когда-либо ранее или позднее.

Историография развития советской экономики демонстрирует странный парадокс. Есть огромное количество публикаций по поводу событий сталинской эпохи (своего рода «весны» советского строя). Есть много работ о финальном горбачевском периоде («осени»). А вот о зените советского строя («лете советской экономики») фундаментальных работ довольно мало [4, с. 41–50; 7; 8]. Понятно, почему этот период не очень интересен убежденным противникам советской модели, которые всю историю СССР считают сплошной ошибкой. Но и те авторы, кто выступает за возрождение «настоящего социализма», тоже не проявляют большого интереса к периоду 1957–1968 гг. Возможно, это связано с тем, что многие современные защитники советского строя любят искать «происки агентов империализма», а в том, что в зените советской истории был упущен судьбоносный шанс на развитие, этих «агентов» никак не обвинишь.

Хотя в истории длинной бифуркационной ситуации 1957–1968 гг. есть много «белых пятен» и «серых зон», попробуем выделить наиболее важные характеристики этого периода.

Правление Н. С. Хрущева как «предисловие» к реформе

Вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг. оказались своеобразным «золотым веком» советской экономики. В хрущевский и раннебрежневский периоды экономика СССР демонстрировала очень бурный (в том числе и по международным стандартам для относительно развитых стран) экономический рост (6–8 % ежегодного прироста), который повторить никогда впоследствии не удалось. На пике экономического роста Хрущев уверенно заявлял, что СССР перегонит США гораздо раньше конца века и даже что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» (на XXII съезде КПСС). Первенство СССР в освоении космоса служило в период от полета Юрия Гагарина (1961) до «прилунения» Нила Армстронга (1969) очень весомым доказательством преимуществ советской экономики. Во время Карибского кризиса 1962 г. СССР в очередной раз показал, что советская армия оснащена по современным стандартам, поэтому последующее снижение накала «холодной войны» воспринималось в нашей стране не как поражение, а как разумный и самостоятельный выбор советского руководства.

Правда, по поводу «разумности» Н. С. Хрущева, тогдашнего руководителя СССР, у современников этих событий накапливались критические суждения. Н. С. Хрущев (как и его «инкарнация» в лице М. С. Горбачева) оставил очень неоднозначный след в социально-экономической истории СССР — как увлеченный, но не слишком умелый реформатор, который обуреваем стремлением к реформам, но не имеет их системного плана, склонен к «прекрасным порывам», которые остаются порывами. Несомненно то, что именно при Хрущеве вновь, после 30-летнего перерыва, стало возможным открытое обсуждение недостатков советской социально-экономической системы и возможности усиления в ней «хозрасчетных начал» (фактически — рыночных институтов).

Застрельщиком дискуссии стал в сентябре 1962 г. харьковский экономист Евсей Григорьевич Либерман, опубликовавший в «Правде» статью «План, прибыль, премия». Эта публикация была расценена как официальное разрешение партийного руководства обсуждать темы «планового фетишизма» и необходимости повышать личную заинтересованность работников. Если при сталинском режиме использование зарубежного опыта («низкопоклонство перед Западом») априори осуждалось, то при хрущевском режиме ссылки на позитивный опыт Запада (вспомним хотя бы кукурузную компанию, спровоцированную впечатлениями Н. С. Хрущева от визита в США) стали вполне легитимными. Попытки совершенствования советской системы путем заимствования некоторых элементов рыночного хозяйства породили надежды на постепенную конвергенцию социализма и капитализма. Эти надежды подпитывались опытом коммунистической Югославии и социал-демократической Швеции, которые, как тогда казалось, шли с разных сторон к одной цели.

Впрочем, надежды на благотворность хрущевских реформ были очень неустойчивыми. Расстрел рабочих в Новочеркасске в 1962 г., которые протестовали против снижения ставок оплаты, убедительно показал, что хрущевский режим категорически отвергает «революцию снизу». «Революция сверху» тоже не задалась: совнархозную реформу 1957 г. пришлось в конце концов (уже после отставки Н. С. Хрущева) отменить, «рязанское чудо» 1959 г. подозрительно напоминало давно прошедшую коллективизацию «любой ценой» и одновременно будущие массовые «приписки» времен позднего Л.И. Брежнева.

Реформистский потенциал Н. С. Хрущева не иссякал, показателем чего стала публикация в сентябре 1964 г. в «Правде» новой статьи Е. Г. Либермана «Еще раз о плане, прибыли и премии» и подготовка эксперимента по расширению прав руководителей

предприятий. Однако доверие советских людей (как «партократии», так и обычных граждан) Н. С. Хрущев исчерпал, подобно М. С. Горбачеву в 1991 г., поэтому в благотворность хрущевских реформ мало кто верил.

Когда Н. С. Хрущева свергли в октябре 1964 г. в результате внутрипартийного заговора, то первоначально казалось, что новые руководители СССР дадут попыткам реформирования «второе дыхание». В сентябре 1965 г. Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин объявил об официальной государственной реформе (некоторые новые идеи прозвучали еще раньше – на Пленуме ЦК КПСС в марте 1965 г., посвященном развитию сельского хозяйства).

Самокупаемость, самофинансирование, самоуправление... и свертывание

Главными идеями этой реформы, концепцию которой разработал Е. Г. Либерман, были хозрасчетные 3 «С» – самокупаемость, самофинансирование и самоуправление. В результате реформы ожидалось создание такой экономической системы, в которой директора госпредприятий смогли бы получить доступ к управлению некоторыми экономическими «рычагами» (прибылью, премиями, большей свободой инвестирования и т. д.).

Основным направлением «косыгинской» реформы стало снижение количества плановых показателей для предприятий, а также, что особенно важно, – замена показателей валового выпуска как главного индикатора успешности деятельности госпредприятий показателями «реализованного выпуска» (продаж). Многочисленные показатели использования рабочей силы заменялись одним – размером фонда заработной платы, что предполагало возможность менеджмента самостоятельно определять численность работников. Директор предприятия теперь должен был считываться лишь по 8 плановым показателям, в то вре-

мя как раньше их количество варьировалось от 20 до 30. Предполагалось оставлять предприятиям больше прибыли для поощрительных выплат и инвестиций (1/5 инвестиционных расходов должна была определяться самими предприятиями).

«Косыгинские» реформы 1960-х гг. могли, как считают многие обществоведы, стать для экономики СССР тем, чем стали для экономики КНР рубежа 1970–1980-х гг. реформы Дэн Сяопина, — путем к созданию смешанной экономики при сохранении власти коммунистической партии. Не случайно китайскому реформатору приписывают высказывание, что если бы «косыгинские» реформы удалось, то Китай снова бы учился у СССР. Такой — «рыночно-коммунистический» — путь, судя по китайскому опыту, чреват многими трудностями (вспомним печально известные события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. и регулярные казни высокопоставленных коррупционеров), но его общая позитивная оценка в наши дни стала общепринятой.

Однако уже через несколько лет после введения «косыгинской» реформы некоторые внесенные в нее изменения существенно изменили и выхолостили ее общий пафос. В частности, был вновь установлен жесткий контроль над фондом поощрительных выплат работникам предприятий, заменивший более гибкую систему, предполагавшуюся в реформе. Министерства снова получили возможность контролировать условия накопления и расходования этих фондов. Если ранее основная часть прибыли предприятий изымалась в бюджет как плата за производственные фонды, то теперь — как изъятие «свободного остатка прибыли» [4, с. 47]. По мере перехода советских предприятий на работу по новым правилам, последние все меньше отличались от старых. В результате экономическая реформа стала очередным этапом в повышении самостоятельности руководителей советских предприятий, но

не смогла существенно усилить заинтересованность в труде самих работников.

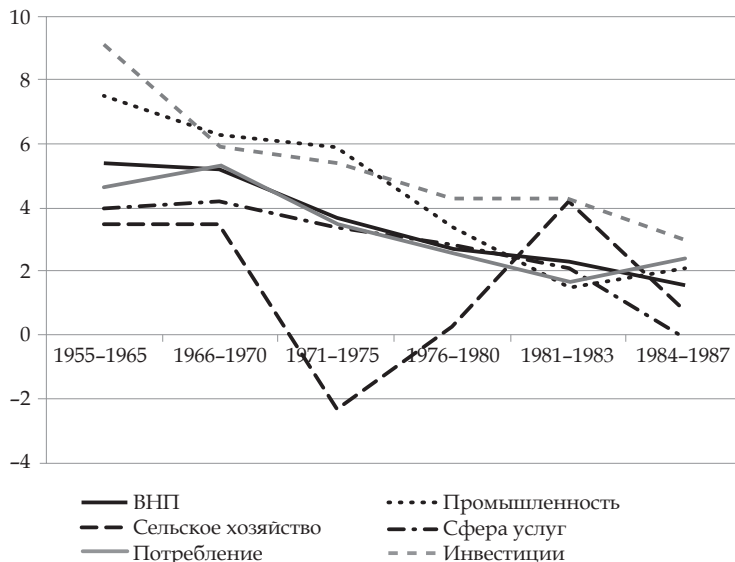
Введение в 1968 г. войск стран Варшавского договора в Чехословакию, где также пытались начать «мягкий» демонтаж командно-административной системы, стало сигналом для свертывания «конвергенционных» реформ вообще и «либерманизации» экономики в частности. Некоторые руководители государственных предприятий, которые слишком увлеклись идеями хозрасчета и допустили неизбежные нарушения «хозяйственной дисциплины», были обвинены в экономических преступлениях — наиболее известным примером является судьба умершего в тюрьме И. Н. Худенко, директора совхоза «Акчи» в 1969–1970 гг. А. Н. Косыгин продолжал до 1980 г. возглавлять Совет Министров СССР, но в частной беседе уже в 1971 г. с горечью признал, что «все работы остановлены, а реформы попали в руки людей, которые их вообще не хотят» [2, с. 220].

Впрочем, эту горечь вряд ли надо преувеличивать: Алексей Косыгин казался «ленинградским интеллигентом» только на фоне еще менее интеллигентных членов высшего партийного руководства и, хотя в годы НЭПа успел поработать «цивилизованным кооператором», вряд ли считал рыночную модернизацию советской экономики главной целью своей жизни. В литературе наряду с восторгами в адрес А. Н. Косыгина как своего рода непонятого гения можно найти и серьезные сомнения в глубине его реформаторских намерений. Например, как пишет Л. М. Млечин, уже на стадии подготовки эксперимента Косыгин «дал указания переработать принципы эксперимента, убрав все, что “попахивало” западным опытом и противоречило принципам социалистического хозяйствования» [3, с. 202].

Не исключено, что «спуск на тормозах» реформы 1965 г. связан с тем, что реальные ее результаты не оправдали ожиданий. Оценка результативности этой реформы до сих пор остается предметом дискуссий. В частно-

сти, по мнению известного отечественного экономиста Григория Ханина, положительные результаты «косыгинских» реформ сильно преувеличены, на самом деле самые лучшие экономические результаты наблюдались во второй половине 1950-х гг. [7]. Зарубежные оценки (рис.), сделанные еще в советский период, также показывают, что вторая («брежневская») половина 1960-х гг. была не лучше, чем первая («хрущевская»). Это, однако, не отменяет утверждения, что в середине десятилетия «окно возможностей» было несколько шире, поскольку «косыгинские» реформы могли опираться на концепции экономистов-«рыночников», которые отсутствовали в 1950-е гг. Самое главное — новое политическое руководство, пришедшее к власти после смещения Н. С. Хрущева в 1964 г., могло воспользоваться нерастраченным кредитом доверия со стороны советских людей.

Неудача реформ 1950–1960-х гг. привела к тому, что в последнее 20-летие своего существования советская экономика функционировала в режиме экстенсивного экономического роста. Этот период называют «застоем», что, строго говоря, не вполне верно — экономический рост до 1980-х гг. хотя и происходил по «затухающей кривой», но все же примерно соответствовал средним темпам роста развитых стран — 3–4 % ежегодного прироста (рис.). Но главное, наблюдался экономический рост без социально-экономического развития. СССР 1970-х гг. был во многих аспектах похож на Россию 2000-х: политическая элита и «простые советские люди», напуганные «не очень» удачными реформами предшествующих десятилетий, сознательно стремились избегать любых существенных изменений «правил игры». В результате стихийно сформировался институт участия СССР в капиталистической мир-системе в качестве «сырьевого придатка» (экспорт энергоресурсов в обмен на импорт потребительских товаров). В этот же период стали бурно развиваться институты теневого предпринимательства.

Динамика показателей среднегодового прироста советской экономики 1950-1980-х гг., %

Источники: U.S. Congress, Joint Economic Committee, USSR: *Measures of Economic Growth and Development, 1950-1980* (Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1982); *Handbook of Economic Statistics* (Washington, D.C. : Directorate of Intelligence, 1983 and 1988 editions).

Брежневский режим, отказавшись от качественных реформ, заменил их имитацией изменений. С середины 1970-х гг. едва ли не каждый год объявлялась новая экономическая «реформа» или «эксперимент», призванные решить экономические проблемы СССР, не меняя рамочных «правил игры». Главным результатом этих «реформ в рамках застоя» стала постепенная потеря авторитета высшего партийного руководства, которое вырождалось в геронтократию. Идеи «демократического социализма», популярные среди «шестидесятников», превратились в мираж, за которым скрывалась пустыня бюрократического вырождения «реального социализма».

Причины свертывания реформы

Есть множество исследований причин свертывания НЭПа, но причины свертывания «косыгинской» реформы еще ждут фундаментальных исследований. Прimitивное объяснение этого свертывания недоброжелательством Л. И. Брежнева столь же убедительно, как и, например, объяснение Великого перелома 1928–1929 гг. злодействами И. В. Сталина. Более убедительные объяснения (см., например: [5]) делают акцент на объективные факторы — рост возможностей развития различных форм рентаискательства. Рентаискательством в современной экономической теории называют поиск дохода методами, исключаящими конкуренцию. В СССР 1970-х гг. рентаискательская деятельность была связана с активной разработкой нефтегазовых месторождений (извлечением природной ренты) и с ростом привилегий государственной бюрократии (извлечением бюрократической ренты).

Свертывание «косыгинских» реформ можно рассматривать, прежде всего, как яркий пример «ресурсного проклятия»: для стран с высоким уровнем отчуждения элиты от граждан наличие полезных ископаемых, легко реализуемых на мировом рынке, становится не стимулом, а тормозом развития. Рост настороженности брежневского режима к про-рыночным инновациям почти совпал с «нефтяным шоком» 1973 гг. Резкий рост мировых цен на нефть и газ в сочетании с началом активной разработки месторождений Западной Сибири (прежде всего, Самотлора, где «большую нефть» начали добывать с 1968 г.) позволил советскому правительству получать от экспорта энергоресурсов *очень* высокие доходы. За счет природной ренты удавалось решать продовольственные проблемы: импорт зерна стал очень важным элементом продуктообеспечения, поскольку советская деревня, из которой в 1930–1950-е гг. активно выкачивали ресур-

сы, деградировала и превратилась в «черную дыру», поглощавшую дотации и льготы без существенного результата.

Те зарубежные историки-экономисты, которые не считают советскую историю сплошной ошибкой, тоже признают, что в 1970-е гг. Советский Союз что-то упустил, хотя и расходятся во мнениях, что именно. Например, современный историк-экономист Роберт Аллен связывает негативный перелом в развитии советской экономики с такими ошибками руководства страны, как втягивание СССР в гонку вооружений (из-за чего исследовательские ресурсы были перенаправлены из гражданских отраслей в военное производство) и курс на переоборудование старых предприятий вместо строительства новых [1, с. 278]. Хотя указанные Р. Алленом факторы, безусловно, сыграли свою роль, но все же они кажутся относительно вторичными в сравнении с рентоискательством.

Как ни странно, рентоискательская модель развития Советского Союза имела довольно широкую социальную базу, которой не могла похвастаться модель развития, предложенная «косыгинскими» реформами. Действительно, на кого могли опереться реформаторы второй половины 1960-х гг. в борьбе с «партократией»? Только на наиболее «рисковую» часть руководителей предприятий и работников, которые (как И. Н. Худенко и работники «Акчи») были готовы много-много работать, чтобы много получать. Таких людей (потенциальных предпринимателей) в любой стране – не более 5–10 %. А рентоискательская модель, дающая возможность «расслабиться и получать удовольствие», удовлетворяла и «нормальных» руководителей, и «обычных» работников; любители риска получали при этом более широкие возможности уйти в теневой бизнес. Переход от «косыгинских» реформ к брежневскому застою стал входом в институциональную ловушку.

Таким образом, бифуркационный период 1953–1968 гг. стал столкновением трех вариантов «правил игры» (табл.) – моделей самодостаточной командной экономики (пост-сталинский курс), смешанной экономики (курс «косыгинских» реформ) и командной экономики как «сырьевого придатка» капиталистической мир-экономики (курс «застойного» брежневского режима). Победу третьего курса можно объяснить своеобразным «предпочтением ликвидности», т. е. предпочтением тактических (среднесрочных) выгод стратегическим (долгосрочным) преимуществам.

Альтернативные модели развития экономики СССР периода «оттепели»

Характеристики моделей	Самодостаточная командная экономика	Смешанная экономика («демократический рыночный социализм»)	Командная экономика как часть капиталистической мир-экономики
Ресурсы экономического развития	Государственное планирование и контроль	Активизация личных материальных интересов работников	Природная рента, получаемая за счет экспорта энергоресурсов (нефти и газа)
Актеры, выступающие за данную модель	Наиболее консервативная часть номенклатуры	Либеральная часть политической и хозяйственной элиты	Большинство политической и хозяйственной элиты
Экономисты, обосновывающие модель	Экономисты-сторонники СОФЭ – Н. П. Федоренко, С. С. Шаталин и др.	Экономисты-«рыночники» – Е. Либерман, Д. Валовой и др.	Модель не имела специального научного обоснования
Возможности извлечения бюрократической ренты	Низкие	Средние	Высокие
Опасные тенденции развития	Рост социального напряжения в обществе	Демонтаж партийной власти	Рост зависимости национальной экономики от мирового рынка, «застой»

* * *

В завершение обзора событий, связанных с реформами 1965 г., автор хотел бы сформулировать основные ее «загадки» – проблемы, проработка которых необходима для понимания сущности этой реформы.

«Косыгинские» это реформы или «хрущевские»? Или же, может быть, «либермановские»? Иными словами, кто все же являлся главным инициатором реформ?

Дала эта реформа существенный положительный эффект или не дала? Прав ли Г. Ханин, считающий «золотым веком» советской экономики хрущевский период, или же этот «век» пришелся на ранне-брежневский период?

Эти реформы были плохо проведены или плохо задуманы? Иначе говоря, могла ли в принципе стать удачной реформа с «не очень» широкой социальной базой?

Поиск ответов на эти вопросы способен многое прояснить не только в истории реформ 1965 г., но и в социально-экономической истории СССР в целом, и даже в современном развитии России.

Список использованной литературы

1. Аллен Р. С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции : пер. с англ. / Р. С. Аллен. – М. : РОССПЭН, 2013. – 389 с.
2. Андриянов В. И. Косыгин / В. И. Андриянов. – М. : Молодая гвардия, 2003. – 365 с.
3. Млечин Л. М. Как Брежнев сменил Хрущева. Тайная история дворцового переворота / Л. М. Млечин. – М. : Центрполиграф, 2014. – 414 с.
4. Ольсевич Ю. Плановая система в ретроспективе. Анализ и интервью с руководителями планирования СССР / Ю. Ольсевич, П. Грегори. – М. : ТЕИС, 2000. – 159 с.
5. Попов В. Закат плановой экономики [Электронный ресурс] / В. Попов // Эксперт. – 2008. – № 1 (640). Электрон. версия печатн. публ. – URL : <http://pages.nes.ru/vpopov/documents/ZakatPlana-Dec.2008-Expert.pdf>
6. Попов Г. Х. С точки зрения экономиста / Г. Х. Попов // Наука и жизнь. – 1987. – № 4.

7. Ханин Г. И. Советское экономическое чудо: миф или реальность? / Г. И. Ханин // Свободная мысль-XXI. — 2003. — № 7. — С. 52-62; № 8. — С. 58-70; № 9. — С. 103-124; № 12. — С. 61-76.

8. Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов / В. А. Шестаков. — М. : Наука, 2006. — 295 с.

Информация об авторе

Латов Юрий Валерьевич — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научный центр, Академия управления МВД России, 125171 г. Москва ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, e-mail: latov@mail.ru.

Author

Latov Yury Valerievich — D.Sc. in Sociology, Ph.D. in Economics, Associate Professor, Leading researcher, The Centre of Science, Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia, 8, Z. and A. Kosmodemyanskikh st., 125171, Moscow, Russian Federation, e-mail: latov@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Латов Ю. В. «Косыгинские» реформы — упущенная возможность «денсiaoпинизации» советского общества? / Ю. В. Латов // Историко-экономические исследования. — 2015. — Т. 16, № 3. — С. 424-439. — DOI : 10.17150/2308-2588.2015.16(3).424-439.

Reference to article

Latov Yu. V. Kosygin's reform — a missed opportunity of the Soviet society «Dengxiaopingisation»? *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2015, vol. 16, no. 3, pp. 424-439. DOI: 10.17150/2308-2588.2015.16(3).424-439. (In Russian).